

Сюй Цзыин уже не знал, что и сказать. Молодой человек по-прежнему смотрел на него с надеждой. Сюй Цзыин наклонился, поднял миску, в которой не осталось даже рисового отвара, и показал её юноше:

— Всё кончено, съешь лучше... печёный батат.

Юноша явно расстроился, но уходить не стал. Он нашел маленький складной табурет, сел и принялся смотреть во все глаза, как дети хлебуют жидкую кашу.

Сюй Цзыин подумал, что этот парень и впрямь странный. Хотя он и жил в приграничной пустыне, кожа у него была не то чтобы смуглая, а руки — тонкими и изящными, без единого мозоля. При улыбке его щеки округлялись, и по одному лишь лицу можно было сказать, что нужды этот молодой человек отродясь не знал.

К тому же этот парень совсем не сочувствовал бездомным детям. Подумав об этом, Сюй Цзыин отбросил лишние мысли, пожал плечами и мысленно решил, что если размышлять дальше, это превратится в чистое морализаторство.

Сюй Цзыин дождался, пока дети доедят, и собрал фарфоровые пиалы одну за другой: если бы их раташили, возмещать убытки заставили бы его.

Он понёс стопку пиал на кухню. Юноша всё ещё не ушёл, и вокруг него по-прежнему крутилось несколько ребятишек, в упор паливших на печёный батат у него в руках.

Похоже, юноша всё ещё хандрил из-за того, что ему не досталось рисовой каши. Заметив взгляды детей, он смущённо спрятал батат за пазуху и скривил губы:

— Нечего смотреть, это я для себя принёс!

Видя, что дети чуть ли не плачут, Сюй Цзыин неуверенно предложил:

— Если ты не голоден, поделился бы с ними.

— С какой стати? — юноша ничуть не рассердился на слова Сюй Цзыина, а спросил с любопытной, жаждущей знаний интонацией.

Теперь уже Сюй Цзыин не знал, что ответить. Поразмыслив, он произнёс:

— Ну... потому что они очень голодны.

Юноша задумчиво нахмурился и недоуменно протянул:

— Но ведь они не больны, просто немного ослабли.

Сюй Цзыин мысленно удивился, откуда тому знать, болен кто-то или нет, но вслух лишь с улыбкой ответил:

— Эм... но им так жалко выглядеть! Посмотри на себя — ты вон какой здоровый, а они перебиваются с хлеба на воду, в любой момент могут умереть от голода. Еды-то у них нет.

— Еды нет... — похоже, слова Сюй Цзыина тронули юношу. Он покосился на батат за пазухой и испуганно пробормотал: — Остаться без еды — это так страшно.

Сюй Цзыин сухо усмехнулся:

— Вот именно...

Хотя юноша и проникся сочувствием, он всё равно с трудом расставался со своим бататом, мнясь и не зная, как поступить. Сюй Цзыин понял, что сболтнул лишнего, и поспешил сгладить углы:

— Если не хочешь делиться — не отдавай, это же твоя вещь.

Юноша выслушал его и кивнул:

— Ты прав.

Сюй Цзыин тяжело вздохнул и пробормотал про себя: я и сам уже не знаю, прав я или нет.

Этот парень оказался невероятно общительным: едва усевшись, он принялся болтать с Сюй Цзыином, причём в каждом втором разговоре неизменно заходила речь о еде. А когда он узнал, что Сюй Цзыин умеет готовить, то едва не бросился пожимать ему руку.

— Правда? И что же ты умеешь готовить?

Сюй Цзыин сразу понял, что перед ним законченный гурман, и криво улыбнулся:

— Да довольно многое.

Когда-то он мечтал стать поваром и работал бесплатным подмастерьем в одном ресторанчике. Чтобы сэкономить деньги, он ночевал прямо на задней кухне, целыми днями бегал на побегушках и выполнял всю грязную работу, выбиваясь из сил.

Он действительно научился готовить множество блюд и никогда не позволял себе лентяйничать. Но когда подошло время переводить его в основной штат, шеф-повар потребовал с него так называемый взнос за перевод.

Сюй Цзыин знал, что эти деньги осядут в кармане шефа, и поделаться с этим было ничего нельзя. Но сам он питался лишь тем, что оставалось от гостей, так что у него не было за душой ни гроша. Ему оставалось лишь бессильно смотреть, как других переводят на нормальные должности, а его самого вышвырнули на улицу.

На сердце тяжело осело. Сюй Цзыин не хотел ворошить прошлое, выдавил из себя улыбку для юноши и сам завёл разговор:

— Кстати, чем ты занимаешься в этом лагере?

Юноша ответил:

— Я лекарь генерала, меня зовут Ду И.

Сюй Цзыин внезапно всё понял. Жун Фэйянь ведь говорил, что если ему станет нездоровится, можно обратиться к лекарю Ду — неужели это он и есть? Поглядев на этого парня, ни за что бы не подумал.

Ду И улыбнулся во весь рот, глядя на него, и снова принялся расспрашивать, какие блюда тот умеет готовить. Сюй Цзыин не выдержал и ткнул себя пальцем в грудь:

— А ты не хочешь спросить, кто я такой?

Кто же знал, что Ду И ответит:

— Знаю-знаю, ты — зазноба генерала.

Сюй Цзыин: «.....»

Сюй Цзыин почувствовал, что у него снова начинает болеть голова. Сквозь зубы он процедил:

— Я не...

Какая еще зазноба? Неужели по всему лагерю уже разошлись такие слухи?

Сюй Цзыин разозлился, однако Ду И в упор ничего не замечал: сказанные слова тут же вылетели у него из головы, и он снова затараторил о всяких вкусностях.

Сюй Цзыина утомила эта болтовня, и он уже собирался найти предлог, чтобы уйти, как вдруг почувствовал, что кто-то тянет его за подол.

Это был тот самый старший мальчик, что караулил его у входа. На руках он прижимал к себе младшего братишку и, видимо, боясь испачгать одежду Сюй Цзыина, тут же отпустил ткань, стоило тому оглянуться.

Затем мальчик указал пальцем себе на рот, а после — на живот младшего брата, показывая, что они всё ещё голодны.

Сюй Цзыин посмотрел на исхудавшего, одни кости, ребёнка и на мгновение онемел:

— Но... Обед ещё не готов, а еды больше нет.

Ду И, проявлявший к еде огромный интерес, тут же вставил:

— Верно! Кроме трёх приёмов пищи, генерал разрешает мне съедать в день всего два печёных батата, в такое время здесь и правда ничего не сыщешь.

Сюй Цзыин дернул уголком рта. Жун Фэйянь что, соврал ему? На кухне что, шаром покати, ни крошки запасов? Боялся, что Ду И объест всю армию до нитки?

Вспомнив об этом, Сюй Цзыин никак не мог выбросить из головы обман Жун Фэйяня. Тут ему что-то пришло в голову, он обернулся, заглянул на кухню и мгновенно нашёл выход.

Он сказал мальчикам:

— Ждите здесь, я приготовлю вам поесть. — С этими словами он встал и направился внутрь.

Ду И последовал за ним. Вскоре с кухни донеслись потрескивание и стук. Толпа детей с любопытством заглядывала внутрь, вытянув шеи, пока наконец по всему помещению не распространился густой, приторный аромат.

Буквально через мгновение Сюй Цзыин вышел с полной миской свежеприготовленного попкорна и позвал детей окружить его:

— Ешьте скорее, тут много!

Эти дети сроду не видали ничего подобного, но устоять перед невероятным запахом было невозможно. Сюй Цзыин добавил внутрь молотого тростникового сахара, отчего попкорн стал еще вкуснее.

Ребятишки горстями заглатывали угощение, а Сюй Цзыин, боясь, что они подавятся, сходил за водой и принёс им целый ушат.

За последние дни к нему вернулись силы, так что тащить ведро с водой было не слишком тяжело, только на ладони всё ещё белела полоса от повязки, оставленной Жун Фэйянем.

Подумав немного, Сюй Цзыин развязал её и выбросил. На ладони смутно виднелись следы мозолей. Возвращаясь с водой, он заметил, что Ду И выглядит нерешительно.

Ду И сглотнул слюну и с тревогой в голосе произнёс:

— Это... здесь кукуруза большая редкость, её только генерал ест.

Оказывается, Ду И страшно испугался, когда увидел, что Сюй Цзыин отдал детям всю предназначавшуюся генералу кукурузу, и хотя слюнки у него текли рекой, прикоснуться к угощению он не смел. Сюй Цзыин же отнёсся к этому с абсолютным равнодушием:

— Ничего страшного, от пары горстей он не умрёт.

Ду И понятия не имел, что Сюй Цзыин делает это исключительно из желания позлить Жун Фэйяня, и лишь согласно кивнул, признавая правоту собеседника.

Хотя Ду И и был падок на еду, вёл он себя крайне вежливо и спросил Сюй Цзыина, не разрешит ли тот и ему отведать угощения. Сюй Цзыин удивился:

— Ты разве никогда не пробовал такое?

Ду И затряс головой, как китайский барабанчик:

— Впервые вижу.

Сюй Цзыин подумал, до чего же бедно живут люди в эту эпоху — даже до такой еды добраться не могут. Заметив, что у Ду И изо рта чуть ли не слюнки капаят, он хотел было зачерпнуть ему немного.

Но, опустив взгляд на миску, он увидел, что та абсолютно пуста — ребятишки уже подчистую смели весь попкорн.

Сюй Цзыин виновато развёл руками, встретившись взглядом с погрустневшими глазами Ду И:

— Больше нет, в следующий раз.

В этот момент издалека показалась иноземная женщина. Она была на большом сроке беременности, что-то бормотала себе под нос и шатающейся походкой брела в их сторону.

Услышав её голос, трое детей бросились к ней и обступили со всех сторон. Один из мальчиков постарше стал о чём-то говорить с женщиной, сжимая в кулаке несколько зёрен попкорна, словно предлагая ей отведать.

Женщина покачала головой, тогда мальчик указал на Сюй Цзыина и снова что-то ей сказал.

Завидев приближающуюся женщину, которая явно собиралась упасть перед ним на колени, Сюй Цзыин испугался и поспешил поддержать её:

— Встаньте же, не надо так, к чему эти поклоны?

Сообразив, что женщина всё равно ничего не понимает, Сюй Цзыин принялся отчаянно махать руками. На лице женщины промелькнула благодарность, и она оставила попытки опуститься на колени.

Лицо этой женщины было точно таким же землянисто-жёлтым. Помимо выпирающего живота, на теле почти не осталось мяса, каждый шаг давался ей с трудом — казалось, она могла рухнуть без чувств в любую минуту.

Сюй Цзыин тяжело вздохнул, чувствуя, что запас сострадания, накопленный за прошлую жизнь, подходит к концу. Он сам вырос сиротой, поэтому при виде таких бедных детей и беременных женщин его сердце неизменно смягчалось. Но на кухне не было ни единой готовой крошки, где теперь раздобыть еды для этой женщины?

Его взгляд скользнул по стоящему позади Ду И. Похоже... остался только печёный батат у него за пазухой.

Они переглянулись. Поймав взгляд Сюй Цзыина, Ду И медленно завёл руку за спину и нерешительно произнёс:

— Не отдам...

Отбирать силой Сюй Цзыин не мог, да и выхода у него не было. Поразмыслив с минуту, он подошёл к Ду И, отвёл его в сторону и зашептал:

— Погляди-ка на неё, она же на сносях. Если она сейчас ничего не съест, то и впрямь умрёт с голоду.

— Но... — Ду И всё ещё упрямылся. Однако, украдкой бросив ещё один взгляд на женщину, он

всё же повернулся к Сюй Цзыину: — Ей действительно нездоровится, в ее организме есть скрытые недуги.

Сюй Цзыин удивился:

— Ты и это можешь определить по одному взгляду?

В телесериалах ведь вечно полагаются на пульсодиагностику и осмотр, а у этого парня глаза — прямо томограф какой-то: глянул раз — и диагноз готов.

Ду И уверенно кивнул:

— Могу, я умею определять...

Не дожидаясь, пока тот договорит, Сюй Цзыин перебил его:

— Тогда отдай ей пока свой батат. Хочешь, я найду время и приготовлю тебе что-нибудь вкусное?

— Правда? — глаза Ду И снова сузились в две счастливые щёлочки от улыбки.

Для самого Сюй Цзыина это труда не составляло. Поколебавшись еще немного, он пообещал:

— Вообще-то у меня осталась еще горстка кукурузы. Отдай ей свой батат, а я приготовлю тебе ещё немного попкорна.

Для беременной женщины батат всё же был куда питательнее. А Ду И так сильно хотел попробовать это диковинное угощение под названием «попкорн», что без дальнейших раздумий вручил батат женщине.

Женщина попыталась опуститься на колени и перед Ду И, но тот вовремя поддержал её за запястье, не дав упасть. Сюй Цзыин увидел, что вернувшийся Ду И словно хочет что-то сказать.

Тот уже открыл рот, но вдруг замер. Посмотрев куда-то за спину Сюй Цзыина, он втянул голову в плечи и почтительно поклонился:

— Здравствуйте, генерал.

Сюй Цзыин обернулся и увидел неторопливо приближающегося Жун Фэйяня. Он демонстративно не стал обращать на него внимания, но Жун Фэйянь подошёл прямо к нему и с мягкой улыбкой произнёс:

— Ин-ин, скучал по мне?

Не глядя на него, Сюй Цзыин обратился к Ду И:

— Так что ты хотел сказать?

Ду И, слегка побаиваясь Жун Фэйяня, прикусил губу и замялся:

— Ну...

Жун Фэйянь тут же перебил его:

— Что такое, Ин-ин? Почему ты меня игнорируешь?

Сюй Цзыин злобно бросил:

— У тебя ещё хватает наглости спрашивать!

Жун Фэйянь тут же расплылся в улыбке:

— Ин-ин, не сердись. Можешь угостить меня персиком, если хочешь, я обещаю не злиться.

Поняв, что переспорить его невозможно, Сюй Цзыин оттолкнул его подальше и снова повернулся к Ду И, невольно сорвшись на раздражённый тон:

— Да говори же наконец, что у тебя за дело!

При виде этой сцены Ду И и вовсе растерялся и решил замолчать. Чего Сюй Цзыин не знал, так это того, что на него самого Жун Фэйянь смотрел с нежностью и сияющей улыбкой, но стоило тому перевести взгляд на Ду И, как его лицо мгновенно менялось — от него веяло таким холодом, что у лекаря мороз подирал по коже.

Заметив, что Ду И молчит, Сюй Цзыин обернулся и зыркнул на Жун Фэйяня, но тот продолжал улыбаться всё с тем же выражением лица. Делать было нечего, и Сюй Цзыин указал на Жун Фэйяня, подбадривая лекаря:

— Не бойся его, он меня слушается.

При этих словах улыбка Жун Фэйяня стала ещё шире.

Тогда Ду И неуверенно начал:

— Когда я помогал той женщине подняться, я машинально проверил её пульс... Она, кажется, вот-вот разрешится от бремени.

Едва затихли его слова, как раздался пронзительный крик. Напоминавший лишь наполовину съеденный батат выпал из рук женщины на землю. Лицо её исказилось от боли, она схватилась за живот и рухнула на колени, а из-под ее юбки хлынули околоплодные воды, непрерывно струясь по ногам.

Сюй Цзыин остолбенел. Этот Ду И и впрямь провидец какой-то — сказал, что родит, и схватки начались прямо тут же?

<http://bllate.org/book/18792/1825617>